

Люди русского искусства

Анна КУЗНЕЦОВА

ВЕЛИКАЯ
БАЛЕРИНА

Анна Сергеевна Кузнецова — в прошлом артистка Большого театра, автор многих очерков и рассказов о деятелях искусства. Недавно она выпустила две книги — «Повесть о народном артисте» и «Народный артист». В новой повести, над которой сейчас работает А. С. Кузнецова, рассказывается о жизни и творческой деятельности великой русской балерины Екатерины Васильевны Гельцер. Сегодня мы публикуем главы из этой книги.

«ДОЧЬ ФАРАОНА»

Екатерина Васильевна считала балет «Дочь фараона», в котором выступала в роли Аспиччи, особым. Она всегда говорила:

— Спектакль этот был для меня чрезвычайно ответственным хотя бы уже потому, что в нем участвовал в роли Нубийского царя мой отец.

Казалось бы, для Екатерины Васильевны спектакль с участием отца, видного, испытанного мастера сцены, должен был быть менее трудным. Но Василий Федорович Гельцер был всегда принципиален в выборе партнеров, с которыми ему приходилось выступать. Отец всячески избегал совместного с Екатериной участия в «Дочери фараона», мотивируя это тем, что она еще очень молода и не может полностью раскрыть образ Аспиччи. Но Екатерина Васильевна пользовалась большим успехом у зрителей, и дирекция хотела непременно соединить имена отца и дочери в одном спектакле.

Человек исключительно скромный и дисциплинированный, Василий Федорович

дал свое согласие дирекции Большого театра выступить в спектакле вместе с дочерью.

— Не знаю почему, — рассказывала Гельцер, — у меня всегда было два чувства к отцу. Как и мать свою, я его глубоко и нежно любила, и сама была их любимицей. Но это вне сцены. Когда же я встречалась с отцом в театре, я боялась его, он казался мне чужим, его строгие глаза уже не смотрели на меня с отцовской нежностью. Мне казалось, что отец не очень ценит мои исполнительские актерские качества, хотя он и признавал во мне сильную танцовщицу. Этот спектакль был первой моей встречей с отцом на сцене. Я ходила подавленная от волнения, ибо знала, что отец был против того, чтобы я выступила в этой роли. Но роль Аспиччи мне очень нравилась, я чувствовала, что могу вполне с ней справиться.

Танцы в первом действии были поставлены в стиле обычных танцевальных решений Петипа. Знаменитое Гран-паде Кратель всегда меня пленяло, и вообще в этой роли мне всегда очень нравилась Павлова, а позже и Спесивцева.

Но я в ином аспекте представляла эту роль. К тому же меня задело за живое то, что отец мне не доверял, и я решила доказать ему, что могу справиться с этой партией. Внимательно выслушивая замечания, я все записывала, все прорабатывала, зная его точность, правильный расчет мизансцен, тончайшую отделку деталей исполнения, его требовательность.

Репетиции с отцом проходили спокойно, он мне все объяснял, но предупредил:

— Катя, ты теперь взрослая актриса и должна понимать, что на сцене существуют единые правила для всех и обстоятельства жизни не следует переносить на сцену. Поэтому забудь, что я отец, а ты

штейном? — волнувалась балерина.

Друзья смеялись над ее «отчаянием», кто-то напоминал:

— Эйнштейн — не только известный ученый, но и прекрасный музыкант.

— К Эйнштейну я решила поехать вечером, — рассказывала актриса. — Днем долго выбирала туалет, пока, наконец, не остановилась на черном воздушном платье-хитоне, сколотом на груди золотой пряжкой.

Гельцер знала, что ей обязательно придется танцевать, поэтому она захватила с собой и пуанти.

...Габерландштрассе, 5. Кто из берлинцев не знал в то время этот адрес! Здесь на седьмом этаже жил великий физик.

У двери со скромной надписью «Альберт Эйнштейн» Екатерина Васильевна остановилась и нажала кнопку звонка. Дверь отворилась. На пороге появилась синеглазая фрау Эльза — жена ученого, красивая, но уже не молодая женщина с седыми буклями.

Гостю проводили в большую комнату, обставленную старинной мебелью, с обоями зеленого цвета. Здесь Екатерина Васильевна сразу увидела большой рояль, на котором лежали несколько скрипок и разбросанные ноты, написанные от руки.

В комнату вошел мужчина выше среднего роста, с пышной шевелюрой, мягкими усами и добрым взглядом коричневых глаз. Это был Эйнштейн. Он почтительно склонился к руке русской балерины.

— В ожидании вас, — сказал ученый, — я даже упряжился на скрипке сегодня. Мне очень хотелось бы вам аккомпанировать, конечно, если вы согласитесь танцевать...

Екатерина Васильевна призналась, что, перед тем как прийти сюда, очень волнувалась и даже решила прочитать книгу «Теория относительности».

— К сожалению, — добавила Гельцер, — мои дела сложились не блестяще: в этой книге я ничего не поняла...

— Это только потому, — заметил с улыбкой Эйнштейн, — что вы, божественная фрау Гельцер, балерина, а не физик.

Для Екатерины Васильевны было приготовлено мягкое удобное кресло.

— Вы так много танцуете и потому должны спокойно отдыхать, — говорила Гельцер фрау Эльза. — Скажите, сколько вы работаете? Наверное, очень много?..

Екатерина Васильевна пожалала плечами. Разве когда-нибудь она регламентировала свою работу? Если не было занятий у стаяки или репетиций в танцевальном зале, то она обдумывала будущую роль. И это была не менее ответственная и сложная работа.

Гельцер интересовало, с какого времени Эйнштейн стал заниматься музыкой.

дочь. В данном случае я Нубийский царь, а ты дочь египетского фараона. Знай, Катя, в нашей встрече на сцене (в дуэте) я потребую от тебя большой выразительности, особенно в диалоге. Когда я буду к тебе подползать на коленях, ты должна выразить жестом смысла следующих слов: «Если ты по этим ступеням посмеешь подползти ко мне ближе, я выброшу в море». Я очень прошу, эту сцену продумай как следует и сыграй ее убедительно, естественно.

...День спектакля «Дочь фараона» на всю жизнь остался в памяти Екатерины Васильевны.

— Я понимала, — говорила она, — что играю с артистом признанным и не должна посрамить честь его фамилии.

Екатерина ГЕЛЬЦЕР в балете «Дочь фараона».

— Учиться игре на скрипке, — признался ученый, — я начал шести лет. Но особого влечения к музыке у меня в то время не было. Больше того, музыка казалась мне даже скучной. И только когда мне исполнилось двенадцать лет, я взялся за сонаты Моцарта. Мне захотелось самому сыграть пьесы гениального композитора. И я начал день и ночь оттачивать скрипичную технику, пока Моцарт не зазвучал под моим смычком по-настоящему.

Разговор прервала фрау Эльза:

— Прошу к столу.

Чай пили из скромных фаянсовых чашек. На столе, покрытом клетчатой скатертью, возвышался торт с вензелем: «Е. Г.». Гостя осторожно брала маленькие кусочки бисквита, чтобы не сломать буквы в ее честь.

Оживленная беседа продолжалась. Заговорили о писателях.

— Достоевский, — задумчиво сказал Эйнштейн, — дает мне во много раз больше, чем любой мыслитель и даже Гаусс.

— А вам не кажется, что всюду и везде в основе искусства лежит наше русское начало? — спросила Гельцер. — Вы, конечно, слышали о великой трагической актрисе Марии Николаевне Ермоловой. Кто сыграл бы так Жанну д'Арк Шиллера, как она? А ведь Ермолова изучала Шиллера не в Германии, а у себя в России.

— О! Ваша страна дала миру великих людей! Ленина и Чайковского! — сказал Эйнштейн.

— Моя самая любимая партия, — заметила балерина, — Одетта и Одиллия в «Лебедином озере», и музыку Чайковского каждый раз я воспринимаю по-новому восторженно.

Неожиданно оборвав свою мысль, Екатерина Васильевна подошла к роялю и начала с любопытством перебирать написанные от руки ноты.

Ученый присоединился к ней, потом взял первую левашку за край скрипки.

«Лунная соната» Бетховена...

Эйнштейн играл не виртуозно, но игра его была полна поэзии и мысли.

Екатерина Васильевна слушала с большим вниманием. Но вот умолкли последние аккорды.

— Ну, а теперь, — предложил Эйнштейн, — разрешите мне быть вашим аккомпаниатором, если вы, конечно, согласитесь танцевать.

— Хотите «Музыкальный момент» Шуберта? Я его очень люблю!

— С великим удовольствием!

Екатерина Васильевна, тончайший интерпретатор музыки Шуберта, как никто другой умела передать в движениях всю ее поэзию и необыкновенную красоту. В классических вариациях «Музыкального момента» она гармонично вплетаала в ри-

Когда взвился занавес, можно было подумать, что спектакль дан в честь художника Константина Коровина. Рукопесканим и овамиям в его адрес не было конца.

Екатерина Васильевна рассказывала мне впоследствии, что ей, поклоннице Коровина, трудно передать чувство гордости и восхищения его шедеврами. Малахитовый зал фараона был залат золотом. Ослепительные декорации не знали себе подобных в истории Большого театра.

Шалаяин, восхищенный декорациями, «душил» в своих объятиях Коровина. Рахманинов, Никиш и остальные крупнейшие деятели театров рукопескали создателю бессмертных декораций. Это было торжество русской театральной живописи.

— К сожалению, — говорила Екатерина Васильевна, — простому рабочему человеку эти шедевры живописи были недоступны. Императорский театр такого зрителя не допускал.

— Меня в этот вечер принимали тоже по-коровински — празднично, — вспоминала Екатерина Васильевна. — Особенно нравился танец охоты в I акте, где я делала труднейшие амбуаге. Мне был очень приятен теплый прием публики, но все это меня еще как-то не радовало, потому что я боялась предстоящей сцены с отцом в следующем акте.

Внезапное появление Нубийского царя производило незабываемое впечатление. Гордый, он смирял себя и опускался медленно на колени. Его глаза, залитые кровью, произвели на меня ужасное впечатление, и мной овладел неожиданный страх.

Ни одной черты мне знакомой в лице отца я не увидела. Это был не человек, он напоминал скорее какого-то хищника. Его тело то конвульсивно сжималось, то чрезмерно растягивалось, приближаясь ко мне. Он полз, пластично скользя по ступеням, все ближе и ближе, и чем ближе он приближался ко мне, тем все страшнее казались мне залитые кровью глаза, напоминающие хищного зверя.

Мне стало страшно и даже как-то скверно. Я испугалась, впервые по-настоящему испугалась своего отца. Очевидно, увидев мою растерянность и мое волнение, он шепнул:

— Катя, Катя, что с тобой? Играй! Я облегченно вздохнула и подумала: «Ну, я тебя не посрамаю!» И с такой силой, с таким презрением сказала ему всем существом своего танца: «Если ты по этим ступеням посмеешь ко мне приблизиться, то я тебя отброшу, как змею, и выброшу в окно».

В это время отец с легкостью пантеры, несмотря на его солидный возраст, бросился ко мне. Толкнув его изо всей силы, я выбросилась в окно, в море...

Альберт ЭЙНШТЕЙН.

Портрет, подаренный ученым Екатерине Васильевне Гельцер в Берлине.

сунок танца необыкновенно простую и нежную мелодию.

Особенно сильное впечатление в ее танце производили кабриолы, которые Екатерина Васильевна делала на абсолютном пиано, передавая всю легкость музыки Шуберта.

Смолкла скрипка. Ученый стоял, опустив смычок.

— Фрау Гельцер, — волнуясь, произнес он, — вы восхитительны! В вашем лице я как бы вижу весь неповторимый русский балет!

— Это для меня самая большая похвала! — ответила Гельцер просто.

Ученый сел к столу и сделал надпись на своей фотографии: «Дорогой и любимой фрау Гельцер».

...Над городом опустилась ночь. Возвращаясь в отель, Екатерина Васильевна уносила в своем сердце что-то прекрасное. И потом, когда Гельцер приходилось танцевать «Музыкальный момент» Шуберта, ее мысли всегда возвращались на Габерландштрассе.